

АНТИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ О ПОПЫТКЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ СТОРОННИКОВ КАТИЛИНЫ

Несмотря на более чем двухсотлетнюю историю изучения событий 63 г. до н. э., получивших еще у современников название «заговор Катилины», отдельные аспекты их до сих пор не были подвергнуты специальному исследованию. В частности, это относится к рассказу античных авторов о неудавшейся попытке освободить заговорщиков. В общих и специальных работах, затрагивающих данный вопрос, часто высказывается точка зрения, что можно говорить лишь о слухах о готовящемся нападении на дома, где содержались пятеро арестованных¹. Столь же широко распространено мнение, что попытка вырвать из-под стражи Лентула и Цетегга все-таки имела место². Однако, насколько нам известно, никто из наших предшественников не делал предметом своего исследования само повествование о событиях 3–5 декабря 63 г. до н. э. В основе как той, так и другой точки зрения (и, соответственно, степени доверия к античной традиции) прежде всего лежат представления о движении катилинариев и об обстановке, сложившейся в Риме после ареста верхушки заговора³. Источниковедческий анализ непосредственно самих сообщений латинских и греческих писателей – как они рассказывают о попытке освобождения Лен-

¹ *Ciaceri E.* Cicerone e i suoi tempi. Milano, 1964. Vol. 1. P. 288; *Ферреро Г.* Величие и падение Рима. СПб., 1997. Т. 1. С. 177; *Зелинский Ф. Ф.* Марк Туллий Цицерон. Полное собрание речей. СПб., 1901. Т. 1. С. 699; *Утченко С. А.* Цицерон и его время. М., 1986. С. 145; *его же.* Древний Рим. События, люди, идеи. М., 1969. С. 83; *Бенклиев С. Н.* Второй заговор Катилины и его характер // Труды Воронежского университета. Воронеж, 1957. Т. 47. С. 95, С. 106. При этом некоторые авторы (*Мамizen Т.* История Рима. Ростов н/Д, 1997. Т. 3. С. 183; *Гвоздев С. П.* Заговор Катилины // Заговор Катилины. М.; Л., 1934. С. 84, ср.: *Гвоздев С. П.* Примечания // Заговор Катилины. М.; Л., 1934. С. 450, 455) подчеркивают, что обстановка в Риме делала подобные опасения небезосновательными.

² *Cary M.* Rome in the Absence of Pompey // САН. 1932. Vol. 9. P. 501; *Manni E.* Lucio Sergio Catilina. Napoli, 1939. P. 161; *Odahl Ch. M.* The Catilinarian Conspiracy. New Haven, 1971. P. 103–104; *Brunt P.* The Roman Mob // РР. 1970. № 35. P. 24; *Муравьев-Апостол И. М.* Взгляд на заговор Катилины // Сын Отечества. 1818. № 22. С. 127; *Бабст И. К.* О Саллюстие и его сочинениях // Пропилеи. 1856. № 1. С. 255–256; *Сергеев В. С.* Очерки по истории древнего Рима. М., 1938. Т. 1. С. 303; *Лебедев В. В.* Заговор Катилины // Уч. записки Молотовского гос. пед. института. 1940. Вып. 6. С. 127; *Кирбятчев С. С.* Заговор или движение Катилины? // Уч. записки Чкаловского гос. пед. института им. В. П. Чкалова. Сер. истории и педагогики. Чкалов, 1948. Вып. 1. С. 129, 149; *Лившиц Г. М.* Социально-политическая борьба в Риме в 60–х гг. I в. до н. э. и заговор Катилины. Минск. 1960. С. 152. Агитацию с целью освободить арестованных заговорщиков признает и *Е. М. Штаерман (Штаерман Е. М.* Рабы и отпущенники в социальной борьбе конца республики // ВДИ. 1962. № 1 С. 41–43), делая ее составной частью своей концепции участия низов римского общества в социальной борьбе.

³ На это обращал внимание, хотя и применительно только к «буржуазной» историографии, автор единственной известной нам в отечественной науке диссертации, посвященной античной традиции о заговоре Катилины *П. Б. Гурвич (Гурвич П. Б.* Античное повествование о заговоре Катилины: дис. ... канд. ист. наук. М., 1946. С. 1–2).

тула Суры и Цетега – в науке (во всяком случае отечественной) никогда не проводился. А между тем он оказывается весьма плодотворным и позволяет покинуть зыбкую почву слабо аргументированных предположений.

Наибольший интерес представляют сведения, сообщаемые в Четвертой Катилинарии Цицероном. Как известно, долгое время велась дискуссия о том, как соотносятся между собой произнесенные и изданные речи великого оратора. Относительно Четвертой Катилинарии споры вызывал прежде всего вопрос: в какой степени упрочившееся в 60 г. до н. э. положение Цезаря внесло коррективы в направленное против него выступление⁴? Однако едва ли данная источниковедческая проблема является непреодолимым препятствием для нашего исследования.

Переписка Цицерона свидетельствует, что к середине марта 60 г. до н. э. тот издал написанные по-гречески воспоминания о своем консульстве (*Att.* I.19.10; II.1.1–2). В июне он обещает Аттику прислать, судя по всему, уже увидевший свет сборник консульских речей, куда вошли Катилинарии (II.1.3). Поскольку Цицерон работал над этими и рядом других произведений одновременно (I.16.18; 19.10), имеются основания предполагать, что трактовка событий 63 г. до н. э. в них не сильно различалась.

Не следует недооценивать и того, что, несмотря на усиление позиций будущих триумвиров и ссору с Клодием, положение Цицерона продолжало оставаться устойчивым: он находился под защитой влиятельной сенатской группировки, не был в откровенно враждебных отношениях ни с Помпеем, ни с Крассом, а попытки Клодия перейти в плебеи пока терпели неудачу (I.13.2–4; 14.3–4; 14.6; 16.11; 17.10; 18.5–6; 19.3–8)⁵. На наш взгляд, к 60 г. до н. э. не произошло ничего такого, что могло бы заставить Цицерона внести *радикальные* изменения в нарисованную в Четвертой Катилинарии картину заговора. Как бы ни решался вопрос о коррективах, внесенных в речь в связи с предстоящим консульством Цезаря, общая трактовка самого заговора и многие связанные с его раскрытием подробности должны были напрямую восходить к декабрьским выступлениям Цицерона в сенате.

⁴ См.: *Ливинц Г. М.* Указ. соч. С. 7–8. Сам автор разделяет точку зрения Г. Вирца о переработке в связи с предстоящим в 59 г. до н. э. консульством Цезаря прежде всего Четвертой Катилинарии. Специально исследовавшая стилистику Катилинарий И. П. Стрельникова также считает, что именно Четвертая претерпела наибольшие изменения, и делает попытку наметить первоначальный текст выступления Цицерона в сенате (*Стрельникова И. П.* Некоторые особенности ораторской манеры и стиля Цицерона (по Катилинариям) // Цицерон. М., 1958. С. 120–121). Тем не менее, согласно исследовательнице, даже эта речь является весьма близкой к произнесенной. См. также: *Грабарь-Пассек М. Е.* Цицерон // История римской литературы. М., 1959. Т. 1. С. 178–233, 225.

⁵ Письмо от 15 марта 60 г. до н. э. выдержано в крайне оптимистичных тонах (*Att.* I.19.3–8), только в мае этого года Цицерон жалуется, что после смерти Катюла «держится пути оптиматов без какой бы то ни было защиты и сопровождения» (*me <...> viam opti-matem post Catuli mortem nec praesidio ullo nec comitatu tenere* – 20.3).

Особо подчеркнем, что угроза изгнания еще не нависла над оратором и для него не было необходимости преувеличивать тяжесть совершенного катилинариями преступления: официальное обвинение в подготовке резни и поджогов само по себе настолько одиозно, что к нему трудно что-либо прибавить. Таким образом, можно предположить, что и освещение попытки освобождения арестованных заговорщиков не претерпело коренных изменений по сравнению с произнесенной 5 декабря речью. Это предположение, впрочем, не снимает другого комплекса источниковедческих проблем, а именно: насколько верно Цицерон, *persona agens*, лицо крайне заинтересованное, обрисовал ситуацию?

Четвертая Катилинария произносилась с целью убедить сенаторов принять небесспорное с юридической точки зрения решение о казни Лентула Суры и его товарищей. В интересах Цицерона было нагнетать обстановку сообщениями о готовящемся освобождении вождей заговора, чтобы придать постановлению сената характер вынужденной необходимости. Консул несколько раз призывает принять во внимание негативные последствия излишней мягкости и упоминает о по-прежнему грозящей всем опасности (*Cat. IV.1, 3, 4, 6, 12, 13, 18, 19, 24*). Однако эти пассажи изобилуют свойственными Цицерону риторическими штампами и общими рассуждениями, будучи вполне объяснимы: исходя из недавнего раскрытия заговора Лентула и угрозы, которую по-прежнему представляло войско Катилины. Цицерон нигде не дает понять, что с момента ареста преступников произошло какое-либо событие, еще сильнее обострившее обстановку в городе.

Вместо того, чтобы драматизировать создавшееся положение, консул, напротив, декларирует свою способность обеспечить спокойствие и полный порядок. В частности, он говорит: «Ведь раздаются достигающие моего слуха голоса тех, кто, по-видимому, боится, что я не имею достаточно средств для защиты и доведения до конца того, что вы сегодня постановите (*qui vereri videntur ut habeam satis praesidi ad ea quae vos statueritis hodierno die transigenda*). Все и предусмотрено, и подготовлено, и устроено (*omnia et provisum et parata et constituta sunt*), отцы-сенаторы, как моей наивысшей заботой и усердием, так и даже гораздо большим стремлением <...> римского народа» (*ibid. 14*).

О каких-то все же имевших место волнениях упомянуто вскользь: «Поэтому, если кого-либо из вас сильно волнует (*forte commovet*) слышимое, что некий сводник Лентула носится взад-вперед вокруг торговых лавок (*quod auditum est, lenonem quendam Lentuli concursare circum tabernas*), и надеется, что за плату могут быть возбуждены души неопытных и неимущих (*pretio sperare sollicitari posse animos egentium atque imperitorum*), – подобное действительно было начато и испробовано (*est id quidem coeptum atque temptatum*). Однако никто не был найден (*nulli sunt inventi*) столь жалкий судьбою или столь пропавший стремлением, кто бы не желал, чтобы невредимым было то самое место сидения и труда и ежедневного дохода, ложе и постель их, наконец, чтобы сохранилось это мирное течение жизни. <...> Если доход этих людей имеет

обыкновение уменьшаться, когда лавки закрыты, каков же он будет после того, как эти лавки подожгут?» (ibid. 17).

Из слов Цицерона сложно понять, по чьему указанию действует подстрекатель. Означает ли словосочетание «сводник Лентула» то, что находящийся под арестом Публий Корнелий Лентул Сура обратился к находящимся на воле сообщникам? Имел ли он вообще подобную возможность?

Бесспорно, передавая опасных преступников на поруки, сенат назвал в качестве поручителей тех, в чьем образе мыслей и способности обеспечить надежную охрану сомнения отсутствовали. Уверенность в должном исполнении принятого решения была столь велика, что сделался возможным политический маневр. Двое менее опасных заговорщиков – всадники Статилий и Габиний – ожидали приговора в домах Цезаря и Красса (Sall. *De coniur.* 47.4), которых молва связывала с Катилиной (ibid. 17.7; Plut. *Cic.* 15; *Crass.* 13; Dio Cass. XXXVII.35.1–3).

О соображениях, которыми руководствовался сенат, можно лишь догадываться. Отчасти подобным образом подчеркивалось единство правящего сословия перед лицом всеобщей опасности⁶, отчасти же в сенатском постановлении можно видеть меру по нейтрализации своих политических противников, чтобы сделать для них затруднительными всякие шаги вразрез с официально выраженным мнением⁷. Став в определенном смысле заложниками своей репутации, ни Цезарь, ни Красс не могли помышлять о недолжном содержании вверенных их чести людей. Самых близких соратников Катилины – Лентула Суру и Корнелия Цетега – передали на поруки П. Лентулу Спинтеру и Кв. Корнифицию. Мы не располагаем никакой информацией, которая позволила бы усомниться в добросовестности последних. О какой-либо причастности обоих сенаторов к заговору ничего неизвестно, и неясно, что могло бы побудить их помогать заведомо проигранному делу. Какую награду могли посулить арестованные, чтобы поручители решились рискнуть своей репутацией?

Произнося Четвертую Катилинарию, Цицерон прекрасно понимал, что наступил критический момент, когда следовало бросить на чашу весов все доводы. Будь у консула доказательства, что находящийся под арестом Лентул Сура продолжает свою вредоносную деятельность, он бы непременно представил их сенату, превращая казнь заговорщиков в не терпящую отлагательств необходимость. Более того: попытка поднять новый мятеж стала бы отправной точкой речи 5 декабря, и она была бы построена совершенно иначе. Цицерон либо де-

⁶ Цицерон неоднократно подчеркивает всеобщую погибель, которую несет заговор Катилины, и единство всех сословий, сплотившихся против него (*Cat.* III.2, 21, 25; IV.2, 14–16, 18, 19, 22).

⁷ В схожей ситуации Цицерон получил в Четвертой Катилинарии возможность осудить двойственную позицию некоторых неназванных по имени популяров: проголосовав за арест пятерки заговорщиков, они уклонились от вынесения им смертного приговора (*Cat.* IV.10).

лад бы упор на то, что из последних сил сдерживает стихию вот-вот готового разразиться восстания, либо рисовал бы картину, знакомую нам по Первой Катилинарии: неслыханные опасности, угрожающие городу, и бдительный консул на страже граждан (*Cat. I.1, 6–11, 15*). Располагая доказательствами о подготавливаемом Лентулом Сурой мятеже, Цицерон мог бы позволить себе указать на недожное исполнение поручителем заговорщика своих обязанностей, не боясь испортить отношения с влиятельным сенатором. Для этого следовало лишь сделать акцент на испорченности арестованного, разъядающей как ржавчина железо все, с чем соприкасается⁸.

Если бы попытка освобождения вождей заговора представляла сколько-нибудь серьезную опасность, она не была бы упомянута всего единожды и вскользь. Важен сам контекст этого упоминания. Цицерон прежде всего желает убедить сенат, что у консула достаточно сил, чтобы привести в исполнение смертный приговор. Один из аргументов оратора – всенародная поддержка; он утверждает, что в деле спасения государства всеми сословиями было проявлено величайшее рвение, поскольку победа Катилины означала бы уничтожение их свободы и благополучия (*Cat. IV.16*). В качестве примера всеобщего единодушия и приводится неудавшаяся попытка «сводника Лентула», под которой, судя по контексту, подразумевается запоздалая реализация плана резни и поджогов. На освобождении преступников, которое могло бы быть побочным следствием беспорядков, Цицерон внимание не акцентирует.

Таким образом, сведения Четвертой Катилинарии не дают оснований полагать, что 3–5 декабря 63 г. до н. э. имела место целенаправленная попытка вырвать из-под стражи арестованных вождей заговора. Более того, допустимо вообще поставить ее под сомнение, пусть даже речь идет не о поджогах, а о возбуждении волнений в городе. Произнося речь перед политической элитой римского общества, людьми, хорошо осведомленными о происходящем, Цицерон говорит о слухах по поводу «сводника Лентула». Подобные слухи действительно могли порождаться остротой и неопределенностью ситуации⁹. Показательно, что Цицерон их не опровергает, однако весьма разумно не делает достаточно спорный эпизод существенным доводом в пользу важнейшего решения сената; в то же время он не упустил случая напомнить о потенциальной угрозе.

У Саллюстия мы встречаемся с иной версией, когда мятежники имеют непосредственной целью освобождение лидеров заговора. Ввиду важности данного места, приведем его полностью в нашем переводе: «Пока все это обсуждалось в сенате и пока послам аллоброгов и Титу Вольтурцию, после того как их донос подтвердился, назначали вознаграждение, вольноотпущенники и немногие из клиентов Лентула

⁸ Определенным подтверждением самостоятельных действий подстрекателей к мятежу является также сообщение Саллюстия (*De coniur.* 50.1), которое будет рассмотрено далее.

⁹ Здесь мы соглашаемся с Т. Моммзеном (*Моммзен Т. Указ. соч. С. 183*) и С. П. Гвоздевым (*Гвоздев С. П. Примечания. С. 450, 455*).

различными путями подстрекали в кварталах ремесленников и рабов к тому, чтобы вырвать его [из-под стражи] (*liberti et pauci ex clientibus Lentuli divorstis itineribus opifices atque servitia in vicis ad eum eripiundum sollicitabant*); некоторые разыскивали вождей толпы, которые привыкли терзать государство за плату (*partim exquirebant duces multitudinum, qui pretio rem publicam vexare soliti erant*). Цетег же через гонцов призывает к дерзости своих домочадцев и вольноотпущенников (*per nuntios familiarum atque libertos suos <...> orabat in audaciam*), людей отборных и закаленных, чтобы они всем скопом ворвались к нему с оружием (*grege facto cum telis ad sese inrumperent*). Когда консул узнал о готовящемся (*ubi ea parari cognovit*), то он, разместив охрану, как требовали обстоятельства и время, и, созвав сенат, запросил его, что надлежит сделать с теми, которые ранее были переданы под стражу (*quid de iis fieri placeat, qui in custodiam traditi erant*)» (*De coniur.* 50.1–3).

Интересно, что сам Лентул не называется здесь инициатором мятежа, тогда как призыв к действию Цетега оговаривается особо. Ближайшие товарищи Катилины изображаются здесь в соответствии с традицией, берущей начало от Цицерона: пассивный («сонливый», по выражению Марка Туллия – *Cat.* III.16) Лентул и энергичный («бешено безрассудный» – *ibid.*) Цетег. Последний с момента удаления Катилины из Рима замещает его в качестве демонической фигуры дерзкого, охваченного неистовством преступника.

Слова Саллюстия о действиях клиентов Лентула, пожалуй, можно возводить к версии, изложенной консулом в Четвертой Катилинарии, хотя нельзя не указать на важные различия. Цицерон не говорит о личной зависимости подстрекателей к беспорядкам от Лентула и не делает акцент на освобождении заговорщика. Кроме того, Саллюстий вносит в свой рассказ большую опасность упоминанием «вождей толпы» (*duces multitudinum*), т. е. организованной силы, которая вполне могла бы освободить Лентула. Хотя, согласно Саллюстию, последнего тоже должны вырвать из-под стражи, такие детали повествования, как пассивность Лентула и попытка его людей опереться на широкие слои городского населения (что противопоставляется заботе только о себе Цетега¹⁰), неслучайны. На наш взгляд, это следы традиции, идущей от Цицерона.

¹⁰ Насколько нам известно, из отечественных переводчиков лишь С. П. Гвоздев (О заговоре Катилины // *Заговор Катилины*. М.; Л., 1934. С. 150) переводит выражение *grege facto* как «составив крепкое ядро», т. е. допускает присоединение к вооруженному отряду людей, не находящихся в личной зависимости от Цетега. Н. Б. Гольденвейзер (Заговор Катилины // Саллюстий. *Заговор Катилины*. Югуртинская война. М., 1916. С. 40), М. М. Покровский (*Покровский М. М.* Заговор Катилины Саллюстия. М., 1912. Ч. 1. С. 48), В. О. Горенштейн (Заговор Катилины // Гай Саллюстий Крисп. Сочинения. М., 1981. С. 28) и И. Х. Дворецкий (*Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь. М., 2000) полагают, что речь идет только о домочадцах и вольноотпущенниках заговорщика. На наш взгляд, контекст повествования свидетельствует скорее в пользу данного мнения; кроме того, С. П. Гвоздев склонен считать заговор Катилины революцией (*Гвоздев С. П.* Заговор Катилины. С. 65, 68, 72–77, 79–82) и мог несколько предвзято перевести допускающее разные толкования словосочетание.

Выше мы высказали свое мнение об осуществимости на практике контактов арестованных с их сообщниками. Сомнительно, чтобы у Цетега была возможность слать своим людям гонцов (во множественном числе!), да и взятие штурмом дома знатного римлянина на Палатине дело отнюдь не столь легкое, как это иногда утверждается¹¹. Однако важнее всего здесь то, что у Саллюстия впервые засвидетельствована попытка освобождения сторонников Катилины. Причем рассказ о ней имеет четкую логику: действия Цицерона и постановка в сенате вопроса о судьбе арестованных напрямую связаны с создавшейся в городе опасной ситуацией. Немедленная казнь Лентула и Цетега становится государственной необходимостью, и таким образом, у нас появляется мотив, отсутствующий в Четвертой Катилинарии.

Объяснить это можно следующим образом. Если утраченные ныне произведения Цицерона были написаны до начала 50-х гг. до н. э., когда его положение было в целом устойчиво, то Саллюстий работал над своим трудом в совершенно иной обстановке – после изгнания Цицерона и предшествующей этому политической борьбы. Сочинение *De coniuratione Catilinae* бесценно для нас как источник по развитию античной традиции о событиях 63 г. до н. э. В частности, Саллюстий недвусмысленно указывает, что можно выделить в качестве особого этапа обречение (непосредственно перед изгнанием Цицерона) первоначального ядра дополнительными одиозными деталями.

Передавая слухи о чаше с кровью, скрепившей заговор на первой встрече злодеев в доме Катилины, Саллюстий находит эту мрачную подробность «малодостоверной» (*parum conpertum – De conuir. 22.4*), и добавляет: «некоторые считали, что и это, и многое сверх того выдуманно (*ficta et haec et multa praeterea*) теми, кто рассчитывал смягчить возникшую после ненависти к Цицерону жестокостью преступления (*Ciceronis invidiam quae postea orta est leniri credebant atrocitate sceleris*) понесших кару» (*ibid. 22.3*). Весьма вероятно, что, наряду с «многим сверх того», возникли и слухи о готовившемся освобождении арестованных. Во всяком случае, именно этот дополнительный мотив был тогда очень выгоден Цицерону: казнь в Мамертинской тюрьме становилась мерой вынужденной и даже спасительной для республики.

Второй раз Саллюстий вкладывает слова об освобождении арестованных в уста некоего Л. Тарквиния. Последний утверждал в сенате, что Красс якобы передавал через него Катилине: «Пусть того не страшит, что Лентул, Цетег и другие участники заговора схвачены; пусть тем более поспешит он подойти к городу, чтобы укрепить души остальных и тех легче вырвать из опасности (*eoque magis properaret ad urbem adcedere, quo et ceterorum animos reficeret et illi facilius e periculo eriperentur*)» (*ibid. 48.4*).

Здесь жизнь Лентула и его товарищей напрямую зависит от действий Катилины, какие-либо намеки на активность участников заговора в городе отсутствуют. Опасность освобождения здесь, как и в

¹¹ Бенклев С. Н. Указ. соч. С. 106; Cary M. Op. cit. P. 501.

Четвертой Катилинарии, потенциальная, и Саллюстий никак не связывает между собой оба замысла вырвать арестованных из-под стражи; интерес для него представляет прежде всего репутация Красса.

Донос был встречен сенаторами враждебно; даже если слова Тарквиния и были правдивы, официально он был назван клеветником (ibid. 43.5–6). Хотя ситуация выглядела непонятной еще для современников (ibid. 43.7–9), нам сейчас важны не политические силы, стоявшие за спиной Тарквиния, а то, что в данном случае мотив возможного освобождения заговорщиков был пресечен сразу же и активного муссирования не получил.

Излагая речь Катона в сенате, Саллюстий также не считает нужным сделать акцент на попытке вырвать из-под стражи Лентула с Цетегом. Оратор никак не использует в ней столь выигрышное обстоятельство как угроза освобождения опасных преступников. И это при том, что, согласно Саллюстию, приготовления к этому уже шли вовсю, так что консул, созвав сенаторов, обязан был поделиться с ними полученными сведениями.

Слова Катона о необходимости быстро действовать и о врагах внутри городских стен (ibid. 52.35) вполне объяснимы общей опасной обстановкой в Риме. С Цезарем же Катон в изображении Саллюстия полемизирует следующим образом: «он (sc. Цезарь) предлагает принять постановление, чтобы имущество их (sc. заговорщиков) было передано в казну, а они сами содержались под стражей в муниципиях, опасаясь, видимо, что, если [заговорщики] останутся в Риме, то их силой освободят либо сообщники по заговору, либо организованная толпа (*timens, ne, si Romae sint, aut a popularibus coniurationis aut a multitudine conducta per vim eripiantur*). Словно дурные и преступные находятся исключительно в городе, а не во всей Италии, или словно дерзости не больше там, где для защиты имеются меньшие средства (*non ibi plus possit audacia, ubi ad defendendum opes minores sunt*)» (LII.14–15). Если попытка освободить заговорщиков была бы столь близкой к осуществлению, как о том пишет Саллюстий, подобная фраза не могла бы быть произнесена. Катон исходит в своей речи из совсем другого положения дел – из потенциально возможного поворота событий, но никак не из неотвратимо надвигающейся опасности.

Три рассмотренные выше места из монографии Саллюстия наводят на мысль, что автор соединил в своем повествовании два пласта традиции о заговоре: как сформировавшейся до 60 г. до н. э. (время записи Цицероном консульских речей и работы над многочисленными восхваляющими себя произведениями), так и зародившейся около 59–58 гг. до н. э. (период политической борьбы перед изгнанием Цицерона). Саллюстий не сумел органично соединить обе версии, отчего его рассказ о попытке освобождения Лентула и Цетега оказался несвободным от противоречий.

С точки зрения развития традиции интересно, какое отражение нашел интересующий нас эпизод у Диона Кассия. Этот достаточно поздний автор излагает события 3–5 декабря наиболее близко к повествованию Саллюстия: «Тем временем многие и рабы и свободные, од-

ни под воздействием страха, другие же и из-за сострадания к Лентулу и прочим, готовились вырвать их всех из рук смерти (παρασκευαζομένων δὲ δὴ πολλῶν καὶ δοῦλων καὶ ἐλευθέρων, τῶν μὲν ὑπὸ δέους τῶν δὲ καὶ οἴκτῳ τοῦ τε Λεντούλου καὶ τῶν ἄλλων, ἐξαρπάσαι πάντας αὐτοὺς ὅπως μὴ ἀποθάνωσι). Узнав об этом, Цицерон заранее занял ночью стражей и Капитолий и форум» (XXXVII.35.3). Даже если Диону Кассию были известны многие подробности заговора, он их опускает¹². Так исчезло из «Римской истории» имя Гая Цетега; ближайшими соратниками Катилины становятся консул Антоний и претор Лентул (ibid. XXX.4, XXXII.3). Для Диона Кассия важным представлялось официальное положение злодеев. Не занимающий никакой магистратуры энергичный потомок древнего знатного рода, родственник видного марианца П. Цетега греческого писателя, в отличие от Саллюстия, не интересовал. Поэтому Дион Кассий сохранил лишь контуры той яркой, наполненной деталями картины, которая нарисована в *De coniuratione Catilinae*.

На наш взгляд, свидетельство Саллюстия о втором этапе складывания античной традиции о заговоре Катилины делает более понятным повествование Плутарха. Греческому автору было известно автобиографическое сочинение Цицерона (*Caes.* 8.4) и, судя по всему, именно оно легло в основу освещения Плутархом событий 63 г. до н. э. Когда описываются долгие и мучительные раздумья Цицерона о судьбе арестованных заговорщиков, говорится лишь, что тот «боялся исходящей от них опасности (ὡρρώδει τὸν ἀπ' αὐτῶν κίνδυνον), если обойдется с ними более мягко¹³. Ведь, избежав смерти, они не удовольствуются чем-то более умеренным, но разразятся всяческой дерзостью, приобретя, сверх старой испорченности, новый гнев» (*Cic.* XIX.7).

Здесь нет и намека на попытку освобождения, консула волнует не завтрашний день с поджогами и убийствами, а более или менее отдаленное будущее. Интересующий нас мотив также не нашел отражения в передаваемой Плутархом речи Катона (*Cato Min.* 23)¹⁴. Зато, описывая вечер 5 декабря, когда состоялась казнь, греческий автор говорит о «многих еще участниках заговора на форуме, стоявших все вместе и не знающих положения дел, ожидающих ночи, как если бы были еще живы те мужи и можно было бы их вырвать из-под стражи» (πολλοὺς ἔτι τῶν ἀπὸ τῆς συνωμοσίας ἐν ἀγορᾷ συνεστῶτας ἀθρόους, καὶ τὴν μὲν πρᾶξιν ἀγνοοῦντας, τὴν δὲ νύκτα προσημένοντας, ὡς ἔτι ζώντων τῶν ἀνδρῶν καὶ δυναμένων

¹² Существует точка зрения, что Дион Кассий основывался на недошедших до нас книгах труда Тита Ливия. *Last H. Appendix // САН. 1932. Vol. 9. P. 885–886; Manni E. Op. cit. P. 219–223; Соболевский С. И. Дион Кассий Коккейан // История греческой литературы. М., 1960. Т. 3. С. 200.*

¹³ Плутарх имеет в виду ночь между произнесением Третьей и Четвертой Катилинарий. Греческий писатель несколько неточен в хронологии – решающее заседание сената состоялось не на следующий день после ареста заговорщиков (*Cic.* 20.4), а через день. Однако о каких-либо чрезвычайных происшествиях в этот промежуток времени Плутарх не упоминает.

¹⁴ Вероятно, Плутарх был знаком с нею хотя бы через вторые руки. Такую возможность не исключают слова историка о ней, как о единственной до сих пор сохранившейся (*Cato Minor.* 23.3).

ἐξαρπασθῆναι – Cic. XXII.4). Именно этим людям, согласно биографу, Цицерон адресует свое знаменитое *vixerunt*. Таким образом, либо на консула снизошло озарение о планах собравшихся на форуме¹⁵, либо он уже имел к данному моменту какую-то информацию. В последнем случае трудно объяснить, почему это обстоятельство не нашло отражения не только в домашних размышлениях Цицерона, но и в Четвертой Катилинарии, содержание которой весьма кратко передано Плутархом (*ibid.* 21.3). По нашему мнению, некоторая нелогичность повествования вызвана здесь, как и у Саллюстия, тем, что писатель соединил две разных традиции: восходящую к *Περὶ τῆς ὑπατέας*, написанному до 60 г. до н. э., и более позднюю, оправдывающую казнь катилинарцев острой ситуацией.

Согласно Аппиану, после того, как сенат заслушал аллоброгов, «Цицерон <...>, поместив каждого (заговорщика – Н. Б.) в дом преторов (ἐκαστον ἐς τὰς οἰκίας τῶν στρατηγῶν διαθείς), тотчас возвратился и приступил к подаче мнений относительно заговора (δέος τῶν συνεγιωκότων). Слуги же и вольноотпущенники (θεράποντες τε καὶ ἐξελεύθεροι) самого Лентула и Цетега, присоединив к себе многих ремесленников (χειροτέχνους πολλοὺς προσλαβόντες), зайдя сзади, окружили дома преторов, чтобы вырвать силой своих господ (ὡς τοὺς δεσπότας ἐξαρπασόμενοι). Узнав это, Цицерон выбежал из сената; установив в подходящих местах стражу, он возвратился и ускорил принятие решения» (App. B. C. II.5). Рассказ Аппиана, на который иногда ссылаются исследователи¹⁶, как нетрудно заметить, изобилует неточностями. Из сочинений римских авторов, современников событий 63 г. до н. э., известно, что выступление свидетелей обвинения состоялось на заседании 3 декабря, после чего Лентул с товарищами были переданы на поруки (Cic. *Cat.* IV.13; Sall. *De coniur.* 47.4), и лишь 5 декабря решилась их судьба. Далеко не все поручители заговорщиков были тогда преторами¹⁷. Аппиан сильно драматизирует ситуацию, сокращая время происходящего до одного дня и заставляя Цицерона дважды покидать сенат, чтобы принять неотложные меры. Греческий писатель допускает и другие ошибки в рассказе о

¹⁵ Плутарх не сообщает, что у оставшихся на свободе заговорщиков имелось оружие. Цицерон просто увидел (ὄρων) их, столпившихся на форуме, догадавшись о намерениях по поведению. Кроме того, будь сообщники Лентула вооружены, почему они не попытались отбить его у стражи? Но слова Плутарха не оставляют сомнений, что он считал Цицерона предотвратившим реальную попытку нападения.

¹⁶ Manni E. Op. cit. P. 161 (ср.: Ciaceri E. Op. cit. P. 288); Кирбятъев С. С. Указ. соч. С. 146. Г. М. Лившиц приводит в качестве подтверждения попытки освободить заговорщиков, помимо слов Аппиана, даже все рассмотренные выше свидетельства античной традиции, не подвергая их ни малейшей критике (Лившиц Г. М. Указ. соч. Прим. 233. С. 196)! Напомним, что монография этого исследователя – единственная в отечественной науке, посвященная заговору Катилины.

¹⁷ Преторские обязанности должен был исполнять в следующем году Цезарь (см.: MRR. P. 173). Лентул Спингер в 63 г. до н. э. являлся эдилем (*ibid.* P. 167). Консул 70 г. до н. э. Красс претором в 63–62 гг. до н. э. быть не мог. О Кв. Корнифиции и Гн. Теренции в 63 г. до н. э. сведений нет (*ibid.* P. 165–178).

событиях 63 г. до н. э., вопиющие с точки зрения современника¹⁸, поэтому нападение на дома «преторов» уже не особенно удивляет¹⁹. Таким образом, взятое в комплексе с прочей исторической традицией сообщение Аппиана не может подтвердить реальность попытки освободить катилинариев. Мы должны отдать предпочтение свидетельствам римских современников – Саллюстия и прежде всего Цицерона; тогда повествование Аппиана следует рассматривать как развитие и доведение до логического конца версии, основанной на распускаемых перед изгнанием Марка Туллия слухах.

**NATALIA V. BUGAIEVA (MOSCOW)
THE ANCIENT HISTORICAL TRADITIONAL
INTERPRETATION OF THE ATTEMPT
OF CATILINARIAN PLOTTERS' LIBERATION**

Of all the available material related to the matter, Cicero never mentions the liberation attempt in his works, while Sallust in his narration brings together the two traditional versions – those originated before and after Cicero's exile. The latter was formed by the rumours about the cruel treatment of the arrested persons and about the danger of their liberation. Plutarch considered these two versions, too. Appian's narration about the conspiracy of Catilina is abundant in rough mistakes and can't be regarded as a reliable source of the liberation attempt.

¹⁸ Подробнее об этом см. нашу работу «Участвовали ли женщины в заговоре Катилины?» // Древний Восток и античный мир. Труды кафедры истории древнего мира МГУ. М., 2005. С. 115–116.

¹⁹ На него нет указаний у Цицерона и даже у Саллюстия консул лишь «узнает, что это готовится» (*De coniur.* 50.3).